

АВГУСТИН БЛАЖЕННЫЙ

ХРИСТИАНСКАЯ НАУКА
ИЛИ ОСНОВАНИЯ
ГЕРМЕНЕВТИКИ И
ЦЕРКОВНОГО
КРАСНОРЕЧИЯ

Блаженный Августин

**Христианская наука или
Основания Герменевтики
и Церковного красноречия**

«Public Domain»

Августин Б.

Христианская наука или Основания Герменевтики и Церковного красноречия / Б. Августин — «Public Domain»,

«Христианская наука или Основания Герменевтики и Церковного красноречия» - сочинение великого христианского теолога Августина Блаженного Аврелия (лат. Aurelius Augustinus Hipponensis, 354-430).

***Данное сочинение повествует о главной цели Священного Писания и правилах понимания его. Другими известными трудами Августина Блаженного являются «О бессмертии души», «Исповедь», «Письма», «О различных вопросах», «О порядке», «О количестве души», «О блаженной жизни» и «Монологи». Произведения гения теологической мысли Августина Блаженного Аврелия послужили основой для возникновения новых течений: христианского неоплатонизма и символизма.

Содержание

Вступление	5
Книга 1. О предметах вообще, о главной цели Св. Писания и главном правиле к уразумению его	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Августин Блаженный

Христианская наука или Основания герменевтики и церковного красноречия

Вступление

1) Есть известные правила, способствующие к уразумению смысла Писания; вижу на опыте, что их не без пользы можно преподать любителям слова Божия, дабы сии люди не только с успехом могли читать толкователей Св. Писания, но и сами объясняли бы оное другим. Сии-то правила решил я изложить для желающих и могущих принимать наставления – если только Господь благословит перо мое счастливо раскрыть те мысли, кои Он обыкновенно внушает мне в минуты моего размышления о Св. Слове Его. Но прежде, нежели приступлю к моему предмету, почитаю за нужное ответить тем из моих читателей, кои захотят или же захотели бы порицать меня, когда бы я предварительно не успокоил их. Если и после этого найдутся люди, кои станут упрекать меня, по крайней мере, они не успеют других соблазнить и не отвлекут их от полезного занятия к невежественной праздности; а это могли бы они сделать, если бы нашли их беззащитными и не готовыми к ответу.

2) Одни будут порицать настоящий труд мой потому, что не поймут хорошо преподаваемых мною правил. Другие, понявши их, захотят воспользоваться и на основании сих правил станут делать опыты изъяснения Писания, но, не успев открыть и изъяснить то, чего желали, тотчас заключат, что я трудился напрасно и что труд мой никому не принесет пользы потому только, что они не умели им воспользоваться. Третий род критиков моих составит из таких людей, кои или в самом деле хорошо объясняют Писание, или только так думают о себе. Если сии люди приобрели способность (истинную или мнимую) изъяснять Писание без пособия тех правил, кои я намерен изложить, то будут вопиать, что правила ни для кого не нужны, и что все, в них преподаваемое касательно изъяснения темных мест Писания, может быть узнано и постигнуто при посредстве одного Божественного дара – свыше.

3) Всем моим критикам в немногих словах отвечаю следующее: не понимающие настоящего моего сочинения, конечно, не меня должны порицать за то, что не понимают его; так же точно, как не в праве были бы они сердиться на меня в таком случае, когда бы им хотелось, например, увидеть новую луну или какую-нибудь неясную звезду, и я со своей стороны пальцем указывал бы им на оные, а у них, между тем, не доставало бы остроты зрения не только для луны и звезды, но даже для того, чтобы хоть перст мой увидеть. Те, кои узнают и хорошо поймут мои наставления, а, между тем, при помощи их изъяснять темные места Писания будут не в состоянии, то пусть заключат из сего, что у них есть способность только на то, чтобы видеть одни персты мои, но не достает сил на то, чтобы усматривать звезды, этим перстом указываемые. А посему, как те, так и другие должны удержаться от невыгодных суждений о моем труде и для озарения очей своих должны испрашивать Божественного света свыше. Ибо я могу двигать перстом моим для того, чтобы указывать известные предметы, но отнюдь не в состоянии дать человеку глаз на то, чтоб он ясно мог видеть и средство, которым я указываю, и предмет, который хочу указать.

4) Наконец, чтобы смягчить неудовольствие против меня людей, похваляющихся Божественным даром и самонадеянно усваивающих себе способность разуметь и объяснять Писание без таких правил, какие здесь будут преподаны, и потому готовых почитать труд мой излишним, я могу и должен сказать этим людям, что хотя они имеют право восхищаться великим даром Божиим, но не должны забывать, что они, по крайней мере, азбуке научились не от Бога,

а от людей, и учась ей, нисколько не думали, что поступают худо, не подражая примеру Антония Великого, Египетского инока, о коем рассказывают, будто он вовсе без науки, по одной наслышке, знал все Писание на память и при помощи одного здравого размышления совершенно разумел оное, или примеру одного благочестивого раба из варваров, который, по недавним известиям, полученным мною от почтенных и достойных вероятия людей, ни у кого не учился грамоте, а только молил Бога, да откроет ему разумение письмен, и получил полное сведение в оных, так что после тридневной молитвы, к удивлению присутствовавших, вдруг начал ясно и скоро читать принесенную ему Библию.

5) Если последнее покажется кому-либо не совершенно вероятным, я не буду упорно прекословить, ибо не вижу никакой нужды в том. Для моей цели довольно, что имею дело с Христианами, кои хвалятся возможностью знать Писание без руководства человеческого и кои неоспоримо обладают в сем отношении великим благом, если только в самом деле обладают им. Как бы ни судили таковые, но необходимо должны согласиться со мною, по крайней мере, в том, что каждый из нас от самого детства научился своему природному языку чрез постоянную привычку слышать оный от других; научился и еще какому-либо языку, например, Греческому, Еврейскому и т. п., или так же, понаслышке, или при помощи известного наставника – не Бога, а просто человека. Спрашиваю: зачем мы поступили и поступаем таким образом? Почему, имея в виду, что Апостолы, по сошествии Святого Духа, в одно мгновение, не учась, заговорили языками всех народов, давно не начнем советовать всем братьям, чтобы они не учили детей своих ни своему, ни чужому языку в ожидании чуда? А с кем не последует того же чудесного события, какое было с Апостолами, тот вследствие сего пусть не почитает себя полным Христианином или, по крайней мере, должен сомневаться в получении Святого Духа! Не думаю, чтобы кто-либо согласился с сими мыслями. Пусть же каждый без гордости учится у человека тому, чему должно учиться от людей: равным образом и наставляющий других пусть без гордости и зависти преподает то, что сам приобрел. Не станем искушать Того, в Кого мы уверовали, дабы лукавый не обольстил нас своею хитростью и злобою до такой степени, что мы не захотим ходить и в храмы Божий даже для слушания и изучения самого Евангелия, не захотим читать Св. Писание, не захотим внимать чтущему или проповедующему доброму человеку в напрасном ожидании, что вот восхитят нас до третьего неба, «в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю», как говорит Апостол (2Кор.12:2), и что там услышим мы неизреченные глаголы, «которых человеку нельзя пересказать» (2Кор.12:4), или увидим Господа Иисуса, и будем слушать Евангелие лучше от Него Самого, нежели от человека.

б) Будем, говорю, остерегаться сих чрез меру надменных мыслей, как весьма опасных искушений. Поясним, что и сам Ап. Павел, хотя первоначально повергнут на землю и наставлен Божественным гласом с неба (Деян.9:3–7), но впоследствии послан к человеку для принятия таинств и соединения с Церковью. Вспомним, как Корнилий Сотник, хотя был извещен от Ангела, что молитвы его услышаны и милостыня принята, однако послан был к Петру не только для принятия таинств, но и для научения тому, чему должно веровать и на что надеяться и что любить (Деян.10:1—48). Нет сомнения, что и всякий способ научения мог и может совершаться чрез Ангела, но в таком случае участь человечества была бы весьма низка, если бы Бог не благоволил сообщать людям слова Своего чрез людей же. Каким образом оправдалось бы изречение Писания «ибо храм Божий свят; а этот храм – вы» (1Кор. 3:17), если бы Господь не открывал воли своей из сего храма, а все, нужное для научения человека, сообщал бы с неба и чрез Ангела? Самая любовь, связующая людей союзом единства, не имела бы ближайшего средства к теснейшему соединению и, так сказать, взаимному прелиянию и срастворению душ, если бы люди ничему не научались от людей же.

7) Упомянутый в Ап. Деяниях евнух, который читал Пророка Исайю, не понимая его, был послан Апостолом не к Ангелу и не через Ангела, не через внутреннее озарение открыто ему то, чего он не понимал, но Божественным внушением приведен был к нему Филипп, кото-

рый знал пророка Исаяю, который сел с ним и изъяснил ему человеческими словами непонятное для него пророчество (Деян.8:26–35). С Моисеем не сам ли Бог беседовал? Однако Моисей без гордости принял совет тестя своего, иноплеменника, касательно управления многочисленным народом Иудейским (Исх. 18:14–26), ибо знал, что кто бы ни подал истинный и полезный совет, его должно относить не к лицу советующего, а к Тому, Который есть самая истина – к предвечному Богу.

8) Наконец, положим, что тот правильно думает, кто почитает себя в состоянии объяснить темные места Писания без человеческих правил, с помощью одного Божественного дара, ибо, в самом деле, таковая способность – если этот человек ею действительно обладает – не есть собственная естественная его способность, а сообщенная Богом, особенно, если он ищет славы Божией, а не собственной. Но, читая и понимая Писание, зачем он сам старается объяснять оное другим, а не предоставляет их Богу, дабы и они, подобно ему, были наставлены в Писании не человеком, а непосредственно самим Богом? Затем конечно, что страшится услышать от Господа: «лукавый раб и ленивый!.. надлежало тебе отдать серебро мое торгующим» (Мф.25:26–27). Таким образом, если эти люди устно или письменно сообщают другим то, что сами знают, то и я не заслуживаю порицания, намереваясь сообщить другим не только то, что им нужно знать, но и то, как поступать в приобретении познания известных предметов, хотя, само собою разумеется, никто из нас не должен хвалиться чем-либо как своею собственностью, исключая, может быть, одну только ложь. Ибо все истинное происходит от Того, Который сказал о Себе: «Я есмь...Истина» (Ин. 14:6). И что мы имеем, чего бы не получили? А если получили, то что хвалиться, как будто не получали? (1Кор. 4:7).

9) Кто читает слушающим что-либо написанное, тот показывает, что он умеет читать, напротив, кто учит самым письменам, тот передает другим умение читать, хотя тот и другой сообщает только то, что сам приобрел от других. Равным образом, кто излагает слушателям то, что он понимает в Писании, тот как бы читает им письмена, ему известные, но кто научает, как понимать Писание, тот подобен научающему самым письменам. Как умеющий читать не имеет нужды в другом человеке для прочтения написанного в книге, так и знакомый с правилами, кои я намерен преподавать, не будет иметь нужды в другом для уразумения какого-либо темного места Писания, но сам, как бы по готовым уже следам, без всякой погрешности, дойдет до смысла, скрывающегося в слове Божиим и, по крайней мере, никогда не впадет в нелепость какого-либо ложного и вредного мнения. Заключаю: настоящее творение мое само может достаточно показать, справедливы ли чьи бы то ни было возражения против трудного предприятия, на которое решаюсь. Между тем, мне не показалось излишним поместить здесь это предуведомление, дабы, с одной стороны, дать в нем приличный, по моему мнению, ответ некоторым из самых упорных критиков моих, с другой, чтобы сделать оное началом пути, на который в следующей книге я намереваюсь вступить.

Книга 1. О предметах вообще, о главной цели Св. Писания и главном правиле к уразумению его

1) Два главных предмета, кои должно иметь в виду, занимаясь ученым образом Св. Писанием: способ находить истинный смысл оногo и способ сообщать или излагать сей смысл другим. Посему и я сначала буду рассуждать о том, как находить смысл, а после – о том, как сообщать оный.

Решаясь на сие великое и трудное дело, боюсь, не безрассудно ли предприимлю его, когда соображаю, как нелегко мне выполнить это. – Точно нелегко, если надеяться на одни собственные силы! Но я всю надежду совершить мой труд возложил на Того, Кто благоволил уже много внушить мне благих истин в минуты моего размышления о Его Св. Слове; живо помню сии истины, и нечего бояться мне, чтобы Господь стал отказывать и в прочих необходимых для меня сведениях, если только я благоразумно начну употреблять на пользу других то, что мне уже дано от Него. Ибо если вещь такова, что чрез разделение ее с другими людьми нисколько не оскудевает, то, если нам дают ее, а мы, напротив, имеем и не даем ее другим, Мы пользуемся сею вещью ненадлежащим образом. Господь сказал: «кто имеет, тому дано будет» (Мф.13:12). Следовательно, Он даст имущим, т. е. таким людям, кои с любовью употребляют на пользу других то, что сами получили от Него, умножит и преумножит дары Свои. Упоминаемых в Евангелии хлебов было только пять, а в другом случае только семь (Мф.14, 17, 15:34), пока их не начали раздавать алчущему народу; а как скоро начали, то сими хлебами насытилось несколько тысяч человек и, сверх того, наполнено было немало корзин и мешков. Верую, что как хлеб чудесно умножился в ту пору, когда его преломляли, так и сведения, дарованные мне Господом для предпринимаемого мною сочинения, Его же всемогущею силою умножатся, когда я стану иждивать их на пользу ближних, и настоящее служение мое не окажется скудным, а утешит меня и моих братьев чудесным изобилием.

2) Всякая наука занимается либо предметами, либо известными знаками, предметы выражающими. Нет сомнения, что все предметы мы, вообще, познаем посредством знаков, оные представляющих, но здесь предметом или вещью (*res*), собственно, я называю то, что само по себе не употребляется к означению чего-либо другого, например, дерево, камень, животное. Надобно, однако же, заметить, что иногда одни и те же предметы служат вместе и знаками для выражения других предметов, как, например, то древо, коим, по Писанию, Моисей усладил горькие воды Меры (Исх.15:25), тот камень, который Иаков положил себе в возгавие (Быт. 28:11), то животное, которое Авраам принес вместо своего сына на жертву (Быт. 22:13). С другой стороны, есть знаки (*signa*), коих все употребление именно состоит только в означении или выражении предметов: таковы наши слова и вообще язык человеческий, ибо слова употребляем мы только для того, чтобы выразить и означить ими известный предмет. Отсюда видно, что такое называю я знаками. Именно то, что употребляется к означению предметов. Впрочем, в смысле отвлеченном, всякий знак есть вместе и предмет, ибо, что не есть предмет, то, собственно, есть ничто, но не всякий предмет есть знак. Различая, таким образом, предметы и знаки, я при рассуждении впоследствии о предметах буду говорить так (хотя бы некоторые из них могли вместе служить и знаками других предметов), что это не помешает главному разделению моего исследования на две части, по коему в одной буду рассуждать я о самых предметах, а в другой – о знаках. Пусть только читатель твердо помнит, что в первой части моего трактата мне следует рассматривать, что такое предметы сами в себе, а не что они могут еще означать кроме самих себя.

3) Предметы вообще суть троякого рода: одним из них должно радоваться, другими пользоваться, иные же заключают в себе как радость, так и пользу. Те, коим должно радоваться,

исполняют нас блаженства, а те, коими должно пользоваться, помогают нам достичь его, т. е. вспомоществуют как к достижению таких вещей, кои делают нас счастливыми, так и к теснейшему соединению с ними. Что касается нас, испытывающих радость и пользующихся, то, будучи поставлены как бы в середине между теми и другими предметами, мы затрудняем свое шествие, если начинаем наслаждаться теми из них, коими только должно пользоваться, а иногда и совсем совращаемся таким образом с пути своего, так как медлим обращаться к вещам, кои должны радовать нас, или и вовсе отвращаемся от них по причине любви нашей к другим, низшим предметам.

4) Радоваться вещи значит не иное что, как сильно любить ее для нее самой; пользоваться же вещью, значит употреблять оную средством к достижению того, что мы любим, если впрочем оно достойно любви, ибо непозволенное и незаконное употребление есть злоупотребление, а не употребление. Так, например, если бы кто-нибудь из нас был странник, не могущий жить благополучно нигде, кроме отечества, и если бы, желая окончить бедственное свое странствование, он решился возвратиться в отечество, то для него в таком случае нужны были бы колесницы или корабли, коими надлежало бы ему пользоваться, дабы возвратиться в отечество для наслаждения в нем счастливою жизнью. Но если бы приятности пути и самое движение колесниц заняли его так, что он стал бы наслаждаться тем, чем надлежало только пользоваться, и не думал уже о скорейшем окончании своего пути, то, занятый превратным удовольствием, он отвратился бы от своего отечества, радости коего одни могли сделать его по-настоящему счастливым. Равным образом, и мы, странствующие в удалении от Господа в настоящей смертной жизни (2Кор.5:6), если желаем возвратиться в отечество, где можем быть блаженными, должны пользоваться сим миром, а не наслаждаться им, дабы невидимое Божие видимо было для нас сквозь сотворенные вещи (Рим.1:20), т. е. дабы посредством видимых и чувственных вещей приобрести нам познание о вечном и духовном.

5) То, что долженствует быть предметом нашей любви, есть Отец, Сын и Дух Святой – достопоклоняемая Троица, составляющая один некий высочайший предмет, общий для всех возлюбивших Ее, если, впрочем, можно назвать Ее предметом, а не Причиною всех предметов, хотя и сие последнее название ниже Ее. Ибо нелегко найти имя, приличное столикому Величеству, как разве сказать только: Триединый Бог, из Которого все, чрез Которого все, и в Котором все: Отец, Сын и Дух Святой. Каждый Бог, и Все вместе – един Бог; каждый – полное Существо, и все вместе – Одно Существо. Отец не есть ни Сын, ни Дух Святой; Сын не есть ни Отец, ни Дух Святой; Дух Святой не есть ни Отец, ни Сын, но Отец есть только Отец, Сын – только Сын, Дух Святой – только Дух Святой. Все три равно вечны, равно неизменяемы, имеют одинаковое величие и одинаковую силу. В Отце единство; в Сыне равенство; в Духе Святом согласие единства и равенства; и Сии три – Все Едины ради Отца, все равны ради Сына, Все соединены ради Святого Духа.

6) Говоря таким образом, сказал ли я, однако же, что-нибудь достойное Бога? Нет; вполне чувствую, что я хотел только сказать, если же сказал, то сказал не то, что хотел. Это я знаю потому, что Бог неизглаголан, а сказанное мною, если бы было неизглаголанно, то и не было бы сказано. По сей причине Бога даже неизглаголанным нельзя называть, ибо уже говорится о Нем нечто, когда говорится, что Он неизглаголан. Отсюда происходит какое-то противоречие в словах, ибо, если неизглаголаным называется то, о чем и говорить нельзя, то нельзя уже называть неизглаголаным то, о чем, по крайней мере, можно сказать, что оно неизглаголанно. Противоречие это лучше, может быть, предотвращать благоговейным молчанием, нежели примирять на словах. Впрочем, Бог, хотя о Нем ничего нельзя сказать достойно Его, благоволил, чтобы Ему служило слово человеческое и чтобы мы на похвалу Его отверзали наши уста и употребляли язык. Вследствие сего самого Он и Богом назван. Звук сего слова, конечно, далеко не дает нам истинного понятия о Нем, однако же всякий, знающий наш латинский язык, услышав оный звук, тотчас представляет в уме своем некое Существо Высочайшее и Бессмертное.

7) В самом деле, когда представляется в уме Оный Единый Бог богов, то даже те, кои признают и почитают других богов на земле или на небе, стараются представить Его высочайшим и превосходнейшим всего, что ни есть. Поскольку люди пленяются двоякого рода благами, частью относящимися к чувствам, частью же принадлежащими душе и уму, то преданные благам чувственным почитают Богом богов или самое Небо, или то, что есть блистательнейшего на небе, или, наконец, самый мир. Если же простирают взор свой за пределы мира, то представляют Бога чем-либо светлым, и притом или беспредельным или заключенным в самую прекрасную форму, например, предпочитающие всем прочим вид человеческий представляют Его в образе человека. Если же не признают Одного Верховного Бога, а допускают многих и бесчисленных богов равного достоинства, то представляют всех их в том виде, какой кажется им самым лучшим. Что касается до тех, кои идут к познанию Бога путем ума, то они представляют себе Бога выше всех существ, не только видимых и телесных, но и невидимых и духовных, превыше всего изменяющегося и временного. Все единогласно защищают превосходство естества Божия, и никто не почитает за Бога то, что не есть самое лучшее. Бог, по признанию всех, есть Существо самое совершенное.

8) Далее, поскольку все размышляющие о Боге представляют Его существом живым, то те только не могут иметь нелепых и недостойных понятий о нем, кои имеют точное понятие о самой жизни, кои, в каком бы виде ни представлялось им тело, отличают живое тело от неживого и первое предпочитают последнему, кои понимают, что и живое тело, сколько бы ни было оно светло, величественно и красиво, все же есть не то, что самая жизнь, которая возвращает оное тело, и, что сия последняя несравненно превосходнее массы, ею одушевляемой и возвращаемой, и, наконец, кои различают самую жизнь, т. е. жизни растительной, живущей без чувства, какова, например, в деревьях, предпочитают жизнь чувствующую, какова в животных, жизни чувствующей – жизнь разумную, усматриваемую в людях, и, опять, жизни разумной изменяемой предпочитают разумно-неизменяемую, т. е. такую, которая не по временам только разумна, а есть сама в себе Премудрость (*ipsa Sapientia*). Ибо мудрый ум, т. е. достигший мудрости, прежде нежели достиг оной, не был мудр, но Премудрость сама в себе, то есть высочайшая Премудрость, и не была, и не будет никогда немудрою. Если бы наш ум не провидел такой мудрости, то не предпочитал бы с такою уверенностью жизнь вечно мудрую жизни изменяющейся в мудрости. Самый закон истины, в силу коего первая решительно почитается лучшею, ум наш, находя неизменяемым, где находит его таким? Где-то вне и превыше нашей природы, ибо себя самих мы все находим изменяемыми.

9) Нет ни одного настолько бессмысленного человека, который бы стал спрашивать: «откуда ты знаешь, что жизнь вечно мудрая должна быть предпочитаема не вечно мудрой? Ибо то самое, о чем он спрашивал бы меня» (откуда я знаю), – есть всем общий и неизменно для всех данный предмет ведения и созерцания. Кто этого не видит, тот подобен слепцу среди дня, которому блеск лучей солнечных прямо падает на то место, где у него должны быть глаза, но без всякой для него пользы; а кто видит и закрывается, чтобы не видеть, тот явно, злонамеренно ослабляет остроту умного взора своего мраком чувственным. Развращенные нравы, точно как противные ветры, прогоняют людей от собственного их отечества, и потому они увлекаются предметами гораздо худшими и низшими тех, кои – по их же свободному признанию – несравненно лучше и возвышеннее.

10) Таким образом, если существенным предметом любви для нашей души должна быть та Истина, которая вечно живет, Бог в Троице, Творец и Зиждитель вселенной и Промыслитель всех вещей, то мы необходимо должны очистить душу свою от мрака чувственности, дабы можно было нам зреть сей небесный Свет и погружаться в нем, в этом Свете совершенном. Мы должны почитать сие очищение как бы неким путешествием, неким корабельным плаванием к нашему отечеству, ибо до Вездесущего можем мы достичь не переходом с места на место, но благочестивым рвением и постепенным усовершением нравственности нашей.

11) Таковое внутреннее очищение было бы для нас вовсе невозможно, если бы сама Премудрость (Сын Божий) не благоволила снизить и, так сказать, умерить себя до нашей слабости; если бы Она не представила нам в Самой Себе образца жизни, соделавшись для сего Сама человеком, потому что и мы все человеки. Когда мы идем к сей Премудрости, то мы мудро делаем; когда, напротив, Она к нам пришла, то люди гордые возомнили, что Премудрость поступила немудро (*stulte*). Когда мы к ней идем, делаемся сильными, а когда Она пришла к нам, то почли ее немощною. Но «...немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков»! (1Кор.1:25) Поскольку Она сама есть истинное Отечество, то и соделала Себя путем для нас к Отечеству. Наконец, поскольку Она везде присуща только здравому и чистому оку сердца, то для тех, у коих внутреннее око сие слабо и омрачено, Она благоволила явить себя и чувственным очам. «Ибо когда мир *своею* мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1Кор. 1:21).

12) Не чрез пространство мест пришла к нам Премудрость, но чрез принятие на Себя смертности плоти нашей, пришла туда, где была, ибо Он «в мире был, и мир чрез Него начал быть» (Ин.1:10). Но поскольку люди предпочли Творцу тварь, то преданные миру и от того справедливо названные миром, не познали Его. Потому-то Евангелист сказал: «...и мир Его не познал» (Ин.1:10). Потому-то «...в премудрости Божией не разуме мир премудростию Бога». Но зачем Она пришла, будучи прежде здесь, если не затем, что благоугодно было Богу спасти верующих буйством проповеди? Каким образом пришла, если не так, что «И Слово стало плотью, и обитало с нами» (Ин.1:14)? Как при разговорах мысль, существующая в глубине души нашей, облекается в известные звуки голоса, бывает словом, изречением самой себя, дабы в том состоянии переселиться в душу слушателя, падая на внешний, телесный слух его (между тем, сия мысль, обращаясь в звуки, не поглощается оными, а, напротив, сама в себе пребывает целою, неприкосновенною и только принимает форму слова, необходимую для действия на внешний слух, нимало не изменяя своей сущности), так и Бог Слово отнюдь не изменилось, а только соделалось плотью, да вселится в нас.

13) Как средство к исцелению есть врачевание, так и воплощение Слова есть средство врачевания, предпринятое для исцеления и восстановления грешников. И обыкновенные врачи, перевязывая раны, не поступают без разбору, а приспособляются к ранам, дабы в перевязях была соединена польза с некоторою приятностью; так и врачевство Премудрости, принявшей на себя человечество, приспособлялось к нашим ранам, одни из них врачует противоположными, другие – подобными средствами. Как телесный врач употребляет иногда противоположные средства, например, в простудных болезнях – горячительные, в мокротных – иссушающие мокроту и т. п., а иногда – подобные, например, к круглым ранам прикладывает круглые частички полотна, к продолговатым – продолговатые, и вообще не одну и ту же употребляет перевязку для различных членов, а соображается со свойством и различием каждого члена порознь; так поступила и Премудрость Божия при врачевании человека, будучи сама и врачом и врачевством. Поскольку человек пал чрез гордость, Она употребила врачевством смирение. Мы обмануты лукавою мудростью змия, а спасаемся буйством Божиим. Как хитрость змия прослыла мудростью у людей, проявляющихся Богу, хотя она есть совершенное безумие, так, напротив, буйство Божие почитается высочайшей премудростью у людей, побеждающих диавола, хотя от мира и называется буйством. Мы во зло употребили бессмертие, чтобы умереть – Христос во благо употребил смерть, чтобы мы ожили. Поврежденная душа жены произвела в мир болезнь – из неповрежденной плоти Девы произникло здравие. К сим же противоположным средствам относится и то, что наши пороки врачуются примером добродетелей Христовых. С другой стороны, кроме средств противоположных, употреблены и подобные средства, как бы некоторые перевязи, соответствующие повреждению наших членов, как, например: обольщенных женою освободил Родившийся от Девы; смертные исцелены смертью; люди спасены Человеком. Прилежные изыскатели, не имеющие нужды, подобно мне,

спешить совершением предпринятого труда, легко могут найти во Врачебнице Христианской (*medicina Christiana*) много и других служащих к назиданию средств, как противоположных, так и подобных.

14) Но я не могу здесь не упомянуть о воскресении Господа из мертвых и вознесении Его на небо, двух важнейших событиях, укрепивших веру нашу великою надеждою. Оба сии события ясно показывают, с какою свободою положил душу свою за нас Тот, Кто имел полную власть опять принять ее (Ин.10:18). После сего, как сладостно утешается надежда верных, в живом уповании помышляющих, Кто и что потерпел за нас, еще не веровавших! С другой стороны, мысль, что Судия живых и мертвых опять придет на землю, заставляет страшиться беспечных и побуждает их к бодрствованию, дабы они скорее желали Его пришествия, творя дела правые, нежели страшились оно, творя зло. Но какими словами выразить или какую мысль объять можно ту награду, которую Он даст в скончание века, если теперь для облегчения нашего странствования Он столь много дал нам от Духа Своего, дабы в несчастиях жизни не оскудела в нас вера и любовь к Тому, Которого еще не видим, и сообщил дарования, каждому довлеющие, для на-зидания Церкви своей, дабы мы, члены сей Церкви, творили повеленное не только без роптания, но с охотою и радостью?

15) Ибо Церковь, по учению Апостольскому (Еф.1:23), есть тело Господа и называется невестою Его. Посему члены своего тела, отправляющие различные должности, Господь связует союзом единства и любви, составляющей здравие для них. Впрочем, Он укрепляет и очищает Церковь Свою на земле и некоторыми горькими врачевствами, дабы, освободив ее от уз мира сего, соединиться с нею навеки, как с невестою, «не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного» (Еф.5:27).

16) Далее, поскольку мы находимся на пути к вечной жизни, который измеряется не пространством мест, а расположениями сердечными, и который загражден был прошедшими грехами нашими как бы некоею тернистою оградой, то можно ли сделать что-либо человеколюбивее и милосерднее того, что сделал для нас Господь, благоволивший соделаться нашим путем? Он простил обратившимся все грехи их и Крестом своим разрушил преграды, останавливавшие нас на пути обращения нашего.

17) Для того-то и дал Он Церкви своей ключи царствия, да все, разрешаемое ею «на земле, то будет связано на небесах» (Мф.16:19), и все, связываемое ею здесь, будет связано и там, т. е. чтобы все неверующие в отпущение своих грехов не получали прощения в них, напротив, верующие и исправляющиеся, будучи приняты в союз с Церковию, по сей самой вере, сопровождаемой исправлением, исцелялись бы. Ибо кто не верует, что грехи его могут быть отпущены, тот чрез отчаяние делается худшим: сомневаясь в плодах своего обращения, он думает, что ему ничего не остается лучшего, как только быть злым.

18) Как оставление прежней греховной жизни и нравов, совершаемое покаянием, есть некоторая смерть для души, так разрешение от ветхой животности (*pristinæ animationis*) нашей есть смерть для тела, и, как душа, после покаяния умерщвляющая прежние худые склонности, делается лучшею, так, должно верить и надеяться, что и тело после смерти, коей грех подвергнул всех нас, соделается лучшим в день Воскресения, дабы не плоть и кровь наследовали Царствие Божие (что невозможно), но тленное сие тело облеклось бы в нетление, и смертное – в бессмертие, и, таким образом, чуждое всяких страстей (ибо не будет иметь никаких недостатков) спокойно было бы управляемо святою и блаженною душою.

19) Напротив, чей дух не умирает для века сего и не начинает сообразовываться с истинною, тот чрез смерть тела подвергнется тягчайшей смерти и оживет не для небесного жительства, а для мучения. Ибо вера внушает нам – да так и должно быть – что ни душа, ни тело человека не уничтожаются совершенно, но нечестивые воскреснут для несказанных мук, а праведные – для вечного живота.

20) Таким образом, из всех вообще предметов только те достойны любви, кои выше назвал я вечными и неизменяемыми; прочими же должно только пользоваться как средствами, способствующими к достижению названного благого расположения души. Но и мы, люди, радующиеся тем или иным предметам и пользующиеся ими, мы сами по себе составляем тоже предмет. Мало того: человек, созданный по образу и по подобию Божию, есть нечто весьма великое и важное – не в том отношении, что имеет смертное тело, но в том, что разумною душою своею он превосходит всех прочих животных. Отсюда вытекает важный вопрос: любить ли себя должны люди, или же только пользоваться собою, или любить и пользоваться вместе? Нам заповедано любить взаимно друг друга, но, спрашивается, должны ли мы любить человека для него самого, или для чего-либо другого? Если для него самого, то мы полагаем в нем свое блаженство; если же для другого чего, то пользуемся им. Мне кажется, что не должно любить человека для него самого, ибо, что мы любим ради него самого, в том поставляем свое блаженство, коим утешаемся в сей жизни, если не на самом деле, то, по крайней мере, надеждою; но тот проклят, кто полагает надежду свою на человека! (Иер.17:5)

21) Если зрело рассудишь, то увидишь, что и себя никто не должен любить ради себя самого, поскольку человек должен любить себя не ради себя самого, но ради того, Кого только любить должно. Тогда только человек истинно велик и превосходит, когда он всею жизнью своею стремится к неизменяемой жизни Божией и всем сердцем прилепляется к ней; напротив, если человек любит себя ради себя, то он стремится не к Богу, но, обращаясь к себе самому, очевидно, обращается к предмету изменяемому, непостоянному. Посему он и испытывает в таком случае чувство некоторого недостатка, ибо совершеннейшим он бывает только тогда, когда всецело прилепляется к неизменяемому благу, а не тогда, когда отвращается от него к самому себе. Итак, если ты должен любить и самого себя не ради себя, но ради Бога, который есть истинный предмет любви твоей, то пусть не гневается на тебя ближний твой, когда ты любишь и его ради Бога. Ибо вот правило любви, свыше постановленное: «люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев.19, 18), Господа же – «...всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» (Мф.22:37); т. е. все мысли, всю жизнь твою все разумение твое посвящай Тому, Который дал тебе все сие. Слова «...всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею» объемлют собою все существо наше, так что для любви к какой-либо иной вещи уже не остается в нас никакого места. Посему, кто любит ближнего своего надлежащим образом, тот должен стараться о том, чтобы и сей ближний любил Господа всем сердцем, всею душою, всею мыслию. Ибо истинно любящий ближнего как самого себя, всю любовь, и свою и его, полагает в той любви к Господу, которая не любит источать из себя потоков, умаляющих ее воды.

22) Таким образом, не все то должно любить, чем должно пользоваться; но только то, что или вместе с нами стремится к Богу, например, человек, Ангел и прочее, или чрез нас имеет нужду в благодеяниях Божиих, как, например, наше тело. Так, мученики не любили беззакония своих мучителей, однако же воспользовались им для приобретения Господа. Посему четыре предмета должны быть предметами любви нашей: один из них – выше нас, другой – мы сами, третий – подле нас или равный нам, последний – ниже нас. О втором и последнем не нужно давать заповеди: ибо человек, сколько бы ни удалялся от истины, всегда по естеству любит самого себя и тело свое. Душа, удалившаяся от вечного света, Владыки и Правителя всяческих, только к тому и стремится, чтоб управлять самой собою и телом своим, а посему не может не любить себя и тела своего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.